

Михаил Сиванков

Прозаик. Родился в 1969 году в городе Якутске. Автор литературно-патриотического проекта «Вечный огонь» экспедиции школьников г. Ленска по местам боевой славы г. Старый Оскол, посвященной памяти Победы советского народа в Великой Отечественной войне. Выпускник Якутского командного речного училища. Является автором художественного романа «По ту сторону», мистического рассказа о шаманах «Долган», повести «Степной ковыль». Публиковался в российских и республиканских журналах «Российский колокол» (Москва), «Дальний Восток» (Хабаровск), «Сибирь» (Иркутск), «Полярная звезда» (Якутск), «Родная Кубань» (Краснодар), «Подъём» (Воронеж), «Байанай» (Якутск). Член Союза писателей России. Член Русского Географического общества. Живет в г. Ленске Республика Саха (Якутия).

КОГДА ВСКРОЮТСЯ РЕКИ

Нестерпимое чувство жажды окончательно лишило сна. Игнат с трудом приоткрыл отёкшие веки и пришёл в замешательство, когда взгляд его упёрся в бетонную стену с облупившимся слоем тёмно-зеленой краски. Он не понимал, где находится, и совершенно не помнил, как оказался в этом странном месте. Недоброе предчувствие охватило Игната Семёновича. Он откинул старую куртку, небрежно брошенную на него сверху, и, присев на железные полаты, огляделся. Мрачное небольшое помещение без окон, пропитанное удушливым кислым запахом и табачным угаром, освещалось блёклой от никотиновой копоти лампочкой. Её жёлто-серый свет едва пробивался из узкой ниши над железной дверью, рассеиваясь по стенам и каменному полу. Сверху монолитной плитой зловеще нависал потолок.

Опустив взгляд, Игнат заметил большие красно-коричневые пятна на своих светлых брюках. Мужчина оторопел. Он ощупал лицо, но ни отёков, ни запёкшейся крови, ни сса-

дин не обнаружил. Данилов принялся осматривать одежду, в спешке стягивал её и трясущимися руками подносил к свету. Его бросило в жар, когда такие же пятна он увидел на рубаше и футболке. Разум Игната прояснился, теперь стало понятно, где он находится.

От хмеля не осталось и следа. Безудержная паника охватила Игната, он подорвался и, позабыв про дикую жажду, заметался от одной стены к другой, судорожно перебирая в памяти события, произошедшие накануне. Мысли путались, лезли одна на другую, но всякий раз обрывались на воспоминании о весёлом застолье.

В замке провернулся ключ, стальные двери распахнулись, свежий воздух спасительным сквозняком ворвался в камеру.

– Данилов, на выход! ... – сухо бросил молодой милиционер.

Игнат Семёнович вышел в коридор и, щурясь от яркого света, сделал попытку заговорить с сотрудником:

– Здравствуйте! А который час?

– Лицом к стене, руки за спину, – стальным голосом потребовал сержант, застегнул за спиной Данилова наручники и взял его за локоть.

– Вперёд.

Они прошли по узкому коридору с полукруглым сводом, затем – вверх по крутым ступеням. Через закрытый решётками двор поднялись на второй этаж. Данилов шёл молча, стараясь не смотреть по сторонам. Ему всё ещё хотелось надеяться, что он здесь по воле какой-то нелепой случайности, которая сейчас разрешится, и он отправится домой.

Однако его надежды разбились, когда у двери с табличкой «Старший следователь Топорков А.С.» он увидел опухшее от слёз лицо жены и заплаканную дочь.

– Папа, папочка, родненький! – сквозь рыдания повторяла она. – Что же ты наделал, папа?!

Данилова опять бросило в жар. Он осознал, что произошло что-то страшное, непоправимое.

– Мы с тобой, Игнат! – вдруг тихо произнесла супруга. – Что бы ни случилось... мы всегда с тобой!

В кабинете с Данилова сняли наручники. Молодой человек приятной внешности учтиво предложил сесть на стул и подал стакан воды.

– Здравствуйте, – начал он вежливо, изучающе заглядывая в глаза задержанного. – Я веду ваше дело, фамилия моя Топорков, зовут Александр Степанович. Как вы себя чувствуете, Игнат Семёнович?! Мы можем начать допрос? Если вы не совсем здоровы или вам необходимо защитника, то...

– Нет, нет... – заверил следователя Данилов, хотя его потряхивало от похмелья, – Давайте начнем. Делайте, что там у вас положено...

– Ну что же, как скажете! – ответил Топорков и открыл папку с надписью «Уголовное Дело №...».

– Начнем, Игнат Семёнович. Вам знаком некто Алексеев Василий Васильевич?

– Да, конечно, это же мой сосед – Васка.

– И как давно вы знакомы с ним?

– С самой армии...

– Какие отношения у вас с Алексеевым?

– Дружили мы шибко, помогали друг дружке, на охоту, на рыбалку – так это всегда вместе, жёны наши – подруги, а дети с ранних лет приятели...

– Понятно, – не поднимая глаз, щёлкал тонкими пальцами по клавишам старой «Ятрани» следователь. – Можете рассказать, что произошло вчера, 23 февраля, примерно между шестью и десятью часами вечера?

– Постараюсь! – изо всех сил напрягся Данилов. – Около трёх он – Васка, значит, друг мой, ко мне зашел. Мы каждый год с ним собираемся на двадцать третьё! Ну, выпьем малость, поговорим по душам, армию вспомним, сослуживцев...

После короткой паузы Игнат Семёнович опустил голову.

– Потом ничего не помню, как отрубил! А что случилось? Скажите, не томите!

Следователь, будто не расслышав вопроса, извлек из ящика в столе прозрачный пакет с вещдоком и положил на стол перед Даниловым.

– Вам знаком этот нож, Игнат Семенович?

– Да это мне Васка в день пятидесятилетия подарил...

– Хорошо подумайте. Посмотрите внимательно: может, просто похож?

– Не-ет! – утвердительно протянул Данилов. – Этот нож Васка ковал для меня, я его среди сотни узнаю! Мой нож! Точно мой!

– Так и запишем, – выдохнул следователь, продолжая щёлкать клавишами. – Нож обвиняемый признал...

– Простите, – не сдержался Данилов. – В чём меня обвиняют? Расскажите, пожалуйста, что всё-таки произошло?

Следователь вынул листок из каретки печатной машинки и с недоверием взглянул на Игната Семёновича.

– А вы и вправду ничего не помните?

Данилов помотал головой и стыдливо опустил взгляд.

– Ничего!

Топорков достал из своей папки листок и монотонно зачитал:

– 23 февраля 1995 года после совместного распития спиртных напитков между гр. Даниловым И.С. и Алексеевым В.В. возникли разногласия, в результате которых гр. Данилов И.С. нанес гостю Алексееву В.В. удар якутским ножом в бедренную артерию...

Данилов почувствовал, как кровь хлынула в голову, и, едва прозвучало «от полученных ранений гр. Алексеев В.В. скончался в поселковой больнице», потерял сознание.

Резкий запах нашатыря привел Данилова в чувство, он осипшим голосом попросил воды и, жадно осушив почти весь графин, что стоял у следователя, вытянул вперёд руки:

– Я преступник, отведите меня в тюрьму прямо сейчас! Пожалуйста, я вас прошу, гражданин следователь!

– Присядьте, Игнат Семёнович! – поспешил успокоить обвиняемого следователь и положил на край стола несколько бумаг. – Распишитесь в протоколе допроса и ...

– И? – переспросил следователя Данилов. – В тюрьму?

– Пока – в камеру! – с уверенностью ответил следователь. – До утра посидите, подумаете, успокоитесь, а завтра утром продолжим.

В коридоре к Данилову бросилась супруга Вера:

– Игнатушка, как же так! Как ты, как сердце? Следователь разрешил тебе таблетки передать!

– Не надо, ничего не надо, – как отрезал мужчина и отвёл взгляд. – Простите меня, простите, родные, пожалуйста!

В камере, тщетно пытаясь заснуть, Данилов то вдруг вскакивал, как сумасшедший, и метался от стены к стене, то забивался в угол и, не моргая, задумчиво смотрел в потолок. Когда чувство полной безысходности овладевало его воспалённым сознанием, и жизнь теряла всякий смысл, безумный взгляд Игната останавливался на стальной решетке над дверью. Однако эти мимолетные приступы душевной агонии внезапно озарялись светлым образом жены с дочерью, и тогда ему становилось невыносимо больно и стыдно за свои суицидные мысли. Он сжимал руками голову и, чтобы не завывать в голос, до скрежета стискивал зубы.

Спутались утро, день, ночь. Казалось, этот кошмар не закончится никогда, и внезапный окрик милиционера «На выход!» уже не встревожил, а, напротив, стал для Данилова спасением от его сводящего с ума одиночества. И опять – узкие коридоры КПЗ, решётки, наручники и кабинет следователя, который на сей раз Данилову удалось рассмотреть, пока Топорков с озабоченным видом корпел над какими-то бумагами. Посередине кабинета стоял массивный стол, оставшийся, вероятно, в наследство ещё от дознавателей НКВД, на нём – старинный графин, печатная машинка, настольная лампа, литровая банка с кипятивником и мятая пачка индийского чая. Рядом – вышарканное кожаное кресло, литой из стали сейф у стены, а над ним – портрет, с которого строго взирал Феликс Дзержинский.

Завершив свои дела, Топорков разложил перед задержанным документы.

– Игнат Семёнович, у следствия нет вопросов по этому делу. Ни вы, ни свидетели не отрицаете вашей вины. К тому же, правление совхоза и сельского совета предоставило на вас положительную характеристику как на добросовестного работника, честного и порядочного гражданина, а также ходатайство. Учитывая то, что вы не представляете общественной опасности, а также имеете хронические заболевания, до суда я отпускаю вас под подписку о невыезде! Подпишитесь – и свободны.

– Нет, так нельзя! – возмутился Игнат Семёнович. – Я не могу это подписать, это неправильно! Пожалуйста, отведите меня в камеру...

– Здесь, здесь и здесь! – с настойчивой категоричностью потребовал следователь. – Подписывайтесь, Игнат Семёнович, не отнимайте ни моё время, ни своё! Вина ваша полностью доказана, я свою работу сделал!

Данилов перевёл дыхание и трясущейся рукой вывел свою фамилию под печатным текстом. Отложив ручку, он поднялся и смиренно убрал руки за спину.

– Всё, теперь меня можно в камеру?

– Игнат Семёнович! Ещё раз объясняю! – закрывая в сейфе папку с документами, повторил следователь. – В отношении вас избрана мера пресечения в виде подписки о невыезде! Советую вам находиться дома и за пределы района до окончания следствия не выезжать, а пока – вы свободны!

– А дальше? Как же.... – сбивчиво пытался уточнить Данилов.

– А дальше – как суд решит! – желая прекратить этот бессмысленный для себя разговор, с усталой небрежностью проговорил Топорков и кивнул на выход. – Более я вас не задерживаю. До свидания!

Игнат Семёнович вышел из дверей ПОМа совершенно потерянным. Он опустился на заснеженное крыльцо и, бесцельно всматриваясь куда-то, погрузился в раздумья.

– Игнат! – окликнула Данилова супруга. – Поехали домой, председатель машину дал, чтобы тебя забрать.

Пряча глаза, Данилов кивнул водителю и сел на заднее сиденье совхозного УАЗа. Вера села рядом, обняла, шептала что-то и нежно гладила по седой шевелюре. Но Игнат ничего не слышал, безучастным взглядом смотрел он на мелькающие улицы сквозь небольшой просвет затянутого морозом окошка и понимал, что жизнь его уже никогда не будет прежней.

По приезде Игнат первым делом истопил баню. Он с упорством натирал себя жесткой вехоткой, стегал берёзовым веником, плескал на раскалённую каменку, лишь бы избавиться от ощущения грязи, которое, подобно кислоте, разъедало плоть.

Укутавшись простынёй, Игнат вышел в предбанник, толкнул ногой дверь и уселся на порожек. Взор его упал на невысокий забор, за которым виднелся добротный дом Алексева. Данилову стало дурно, он облокотился на дверной блок и, взявшись за грудь, стал по-рыбьи хватать воздух ртом. Боль хоть и не сразу, но отступила, и Игнат, несмотря на запрет врачей, закурил. Дом товарищу и эту изгородь они ставили вместе, ещё накануне рождения сына Василия. Да, хорошие были времена! И жизнь была какая-то полная, насыщенная. Если оглянуться, так ни дня даром не проходило: охота, рыбалка, вечерние посиделки семьями, колхозные будни и праздники! А ведь их – Игната и Васькины – дети вот прямо тут голопузыми по двору носились, в школу пошли, потом старшего в армию проводили, дочку Игнатову замуж выдали, и всё это – вместе с Василием! Нет, не товарищем он был Игнату, а братом, самым что ни на есть настоящим братом!

Данилов вспомнил, как в юности с распределительно-го пункта в Якутске его направили в Хабаровский учебный центр сержантского состава.

– Пацаны! Есть кто с Якутии? – доставал Игнат бесконечными расспросами новобранцев, но среди его роты не оказалось ни одного земляка. Игнат было уже отчаялся, но как-то после марш-броска к нему подсел запыхавшийся паренёк и, отложив автомат, протянул руку.

– Здорова! Я Василий. Это ты искал земляков с Якутии?

– Ну, я, – вглядываясь в восточное лицо сослуживца и ожидая подвоха, нарочно растягивал слова Данилов. – А что?

– Ты якут?

– Ну, якут, а ты? Бурят, киргиз или казах?

– Не-е, я тоже якут!

– Земляк, значит! – пытаюсь придать встрече некую значимость, прищурился Игнат, но, не сдержав эмоций, расплылся в улыбке. – Сахалы белянда бырыат? По-якутски говоришь, брат?

– Нет, по-якутски не понимаю, – смущённо улыбнулся Василий и в оправдание добавил. – Родители с Якутска меня ещё совсем маленьким увезли, я среди русских рос, да и предки на своём не общались...

– А хочешь, научу?

– А точно научишь?

– У меня по якутскому языку всегда отлично было, даже учителя хвалили!

– А как моё имя по-нашему будет?

– Васка! Я тебя так и буду звать, ты не возражаешь?

– Называй! – воодушевленно откликнулся Васька. – Васка, значит!

Родной якутский давался Василию на редкость легко, и уже через пару месяцев он свободно общался на нём, чем был несказанно доволен. Так между земляками завязалась крепкая мужская дружба. Но полгода строевой подготовки на плацу и часовая муштра перед присягой пролетели как один день, до распределения по воинским частям оставалось не больше недели, а там – кто его знает, в какую тьму тараканюю призовет Родина: Советский Союз – огромный! Горькое чувство скорого расставания с другом сильно расстраивало Игната, он привязался к скромному пареньку и не хотел терять такого товарища. Помнилось, отец часто рассказывал про своего друга, с которым служил на сторожевом корабле «Бесстрашный». Столько лет минуло, а он не мог забыть, как крепко они дружили, как после службы много лет переписывались, а потом... потерялись, раскидала жизнь и семейные заботы. Вспоминал это отец с огромным сожалением, и в комнате на столе его стояла фотография, где они в бескозырках у оружейной башни. Рассказ отца был для Игната уроком, он долго обдумывал, как вернее будет завести разговор, и решился наконец-то сделать это на перекуре:

– Слушай, Васка! Давай адресами обменяемся, если что – через родоков спишемся! И ещё, слушай, ты никогда не думал на родину переехать, в Якутию? Всё ж земля предков! Неужели не тянет? Не ёкает вот тут? – Данилов приложил к сердцу ладонь.

– На родину, Якутию? – улыбнулся Василий, и глаза его заискрились по-особенному. – Если честно, тянет, я всегда мечтал вернуться, только у меня там родных не осталось! Ехать не к кому.

– А я? Я что, не в счёт!?

– Ты?

– Да, я! – вскинулся Игнат. – Твой друг, Данилов, – якутский якут! А тебе кого ещё нужно? Поедем ко мне, председа-

тель совхоза у нас мужик – во! – Игнат поднял вверх большой палец. – Если в совхоз работать пойдём, то и участок выделит, и дом построить поможет! Поселок наш на берегу Лены стоит. Ты и не представляешь, какая это богатая река! И самое главное: когда вскроются реки и пойдёт лёд, мы с отцом выбираемся на охоту в протоки, а там – утка, гусь!!! Да ты такой охоты с роду не видал!!

– Когда вскроются реки! – загорелся Василий и тут же расхохотался. – Эй, якутский якут! Сам-то не передумаешь?

– За меня не беспокойся! Я кремень, главное – ты не спасуй!

День распределения свалился как снег на голову, ранним осенним утром командир поднял роту по тревоге и объявил общее построение у штаба воинской части. Спустя час началось распределение:

– Город Усурийск, воинская часть №..., – прозвучало из громкоговорителя. – Рядовые...

В конце длинного списка фамилий прозвучало: Данилов И.С., Алексеев В.В...

* * *

– Игнатушка! – выхватил из воспоминаний звонкий голос супруги. – Председатель пришёл, поговорить с тобой хочет...

Данилов наспех влез в трико, набросил на плечи шубейку и прошёл в дом. Председатель в распахнутой дорогой дублёнке угощался домашними оладьями, запивая их чаем с молоком.

– Ты, Игнат Семёныч, – по-деловому обратился он к Данилову, – впустую себя изводишь. Что случилось, то случилось, человека не вернёшь, а жизнь – она дальше идёт! И поверь мне, старому бобылю: раны душевные только семья и работа лечат! Сам знаешь, не мне тебе рассказывать, народу в совхозе не хватает, молодежь в город бежит за легкой деньгой, мужики спиваются, работать на земле стало некому! Выходи на ферму, там сейчас полный завал! Коровы в навозе, доярки не справляются, грозятся заявление подать на увольнение!

Игнат, потупив взгляд, уставился в пол. Прав был во всём председатель: и Ваську не вернуть, и не дело ему, крепкому мужику, на бабьей шее сидеть. Понимал умом всё это Данилов, а вот сердцем не принимал; силился изо всех сил, но не мог.

– Прости, Фёдор Капитонович! – проговорил он дрожащим голосом, поднял на председателя глаза, полные слёз, и с досадой ударил себя кулаком в грудь. – Душит меня воздух, понимаешь, Капитоныч, душит! Задыхаюсь я, людям в глаза смотреть совестно, как жить дальше – не знаю, Капитоныч...

– Ладно, понял я тебя! – собирался уже уходить председатель, но у двери неожиданно задержался. – Слушай, а если в ночь, на коровник? Скотником! Уходить можешь раньше, как справишься!

– В ночь? В ночь, пожалуй, пойду! – уцепился за предложение Данилов.

– Вот и договорились! Вот это правильно, ты, давай, отходи понемногу, а с понедельника на работу....

Супруга налила Игнату чай с молоком и придвинула к оладьям блюдо со сметаной.

– Ты поешь, поешь немного! Осунулся, почернел весь, нельзя так, Игнат! Прав председатель, дело говорит!

Данилов взглянул на жену и со стыдом отметил, что прежде не обращал внимания, как за эти несколько дней она осунулась, как сошёл с её прекрасного лица здоровый румянец, каким утомлённым стал её взгляд. У самой, небось, на душе кошки скребут, а она виду не подаёт! Наверняка у себя в телятнике, оставшись одна, повоет по-бабьи, а потом отдышится, приведёт себя в порядок и спешит домой, мужа утешить. И каково Верке сейчас – даже не представить, её-то утешать некому! Женщины – народ терпеливый, где-то характером покрепче мужика будут, и боль свою напоказ не выставляют. Как ни крути, а выходит, что Верка эту ношу в одиночку тянет!

* * *

Суд по делу Данилова назначили на середину апреля. Измученный душевными терзаниями, он ждал этого суда с болезненным нетерпением. По утрам первым делом отрывал листок календаря, затем перебирал и старательно укладывал в большую китайскую сумку свои вещи, которые намеревался взять с собой в колонию.

В день судебного заседания Данилов сходил в баню, надел чистое бельё и собрался было в дом, но у крыльца вдруг остановился и поднял вверх голову. Бездонное синее небо дышало весенней свежестью. Игнат Семёнович смотрел в него долго, не отрываясь, будто видит в последний раз.

В суд приехали за полчаса до начала заседания. Игнат всё время был задумчив и спокоен, даже когда высокий милиционер велел ему пройти в зал и закрыл в клетку. Всё изменилось с момента, когда в дверях появилась семья Василия. Сахаяна, что скрывала лицо за чёрным платком, даже не взглянула в сторону Игната, а её младшая дочь, не удержавшись, бросила взгляд, полный глубокого душевного презрения и жалости. Данилова охватило внезапное смятение, он не вникал в суть речей, что произносили выступавшие, а когда ему задавали вопросы, растерянно смотрел на судью, потом быстро поднимался, кивал и частил невпопад: я согласен, согласен, не отрицаю, признаю вину. Адвокат то и дело поправлял подзащитного, а иногда и вовсе отвечал за него. Судья был раздражён и недоволен, сурово поглядывал то на защитника, то на поручителей, а те, сконфуженно переглядываясь, пожимали плечами. Лишь когда после короткого перерыва судья вернулся в зал и для вынесения приговора громыхнул молотком по столу, Игнат Семёнович вздрогнул и поднялся с места. Он напрягся, нахлынувшее волнение мешало сосредоточиться. Разобрав среди нагромождения юридических терминов и статей УК слова «признать виновным», Игнат с облегчением выдохнул и с благодарностью посмотрел на председательствующего. Люди оживились, шумно покидая зал заседания. Высокий милиционер, что весь процесс стоял, вытянувшись, у решетки с подсудимым, отворил дверцу. Пожилой мужчина решительно шагнул ему навстречу и протянул запястья, ожидая, что тот немедленно застегнёт наручники. Но сержант в некотором недоумении учтиво отошел в сторону. Сбитый с толку Игнат так и стоял, вытянув руки, не понимая, что происходит.

– Дорогой! – негромко проговорила супруга Данилова. – Пошли, дорогой! Домой, домой, Игнат!

– Домой? – в исступлении повторил Игнат и взглянул на супругу. – А как же «признать виновным», «лишение свободы»? Я же сам слышал!

– Условно! – пыталась донести до мужа Вера, но вместо радости в его глазах выразилось глубочайшее разочарование.

– А где мои вещи, сумка? – словно одержимый, повторил он несколько раз в полной уверенности, что милиционер сейчас отведёт его на задний двор, где томится в ожидании строгий конвой. Но сержант словно прочитал мысли Данилова и, не желая более смущать своим присутствием странного осужденного, покинул помещение.

– Как же это, почему так несправедливо?! – полный протестующего негодования шептал Игнат. – Как это возможно – условно за убийство?!

– Непредумышленное! – тихо, но доходчиво говорила Вера, – Ты не специально это сделал, это вышло....

– По пьянке! – не дал закончить Игнат и тут словно прозрел. Вид его сделался бледен, губы приняли синеватый оттенок и стали судорожно подёргиваться.

– Игнатушка! – вскрикнула Вера и полезла в сумочку. – Сейчас, дорогой, потерпи, – дрожащим голосом говорила она, спешно шаря по кармашкам, – сейчас, сейчас... А, вот, наша! – с облегчением воскликнула она и вложила в рот мужа таблетку. – Сейчас отпустит, сердце у тебя совсем ни к чёрту стало!

Минут через двадцать боль отлегла. Цепляясь за супругу, Игнат вышел на улицу, но здесь его поджидало новое, более страшное испытание. На крыльце стояла Сахаяна. Игнат приготовился смиренно выслушать и стерпеть всё, что угодно, но дело приняло совершенно неожиданный оборот. Женщина подошла почти вплотную к нему и какое-то время стояла в нерешительности, потом, собравшись духом, заглянула прямо в глаза Игнату. В её взгляде не читалось ненависти, злобы или угрозы, напротив – он был открытым и ясным.

– Игнат! – сдержанно начала Сахаяна. – Мне трудно сейчас это говорить, но ты должен знать, – в её голосе почувствовалась дрожь волнения, – Василий простил тебя! Он сказал это там, в больнице.

Данилов опустился на колени и зарыдал. Он искренне желал повиниться, но слёзы душили его, слова вязли на языке, вместо них вырывались лишь обрывки бессвязных исковерканных фраз.

После суда Данилов сильно изменился: стал хмур, неразговорчив и замкнут. Тайком ходил на кладбище и часами просиживал у могилы Василия.

Теперь это был глубоко несчастный человек, полный разочарования, обративший свою жизнь в жалкое существование затворника. Он силился забыть всё и начать сначала, но вновь и вновь упирался в стену, которую сам и выстроил.

В тот вечер Игнат Семёнович задержался дома. По обыкновению в такое время он уже спешил на коровник, а тут позвонил председатель, чтобы посоветоваться по важному делу. Так и проболтали около получаса. Игнат уже выходил и в дверях столкнулся с младшей дочерью Алексеевых – Маришкой. Та при виде соседа обмерла, захлопала ресницами, будто увидела привидение, и, едва не вскрикнув, бросилась вон. Данилов шарахнулся в сторону и, рухнув на колени, схватился за голову.

– Айкы-ы-ы, как дальше-то жить! – глухо и протяжно завывал он в прихожей. Он готов был сгинуть, провалиться на месте, только бы всё вернулось назад, но, увы, ни молитвы, ни его раскаяние не в силах были это сотворить. Оставалось свыкнуться с клеймом убийцы, носить его, как кандалы, при лязге которых каждый прохожий будет тыкать в тебя пальцем. Игнат Семёнович ощутил, как сдавило сердце, стал задышаться, завалился на пол и захрипел.

Очнулся Игнат в постели, рядом сидела старшая дочь Варя, точнее, Варвара Игнатовна, терапевт местной больницы. Женщина легонько гладила Данилова по плечу.

– Папа, папочка, тебе обязательно надо в больницу! – говорила она успокаивающе тихим голосом.

– Варя! – взял дочь за руку Данилов. – Скажи мне, только честно, что случилось в тот день? Я хочу знать, понимаешь, мне очень надо знать! Всю правду хочу, до крупницы! А больница подождет, обещаю, как река пройдёт, лягу!

Варвара на минуту замолчала, обдумывая просьбу отца, и, всё ещё сомневаясь, заметила:

– Папа, раньше ты и слышать об этом не хотел...

– Верно, – согласился Игнат, – раньше не хотел – боялся!

– Может, отложим этот разговор? Тем более, на суде....

– Нет, Варенька, не отложим! – перебил её отец. – А на суде я ничего не слышал! Всё было как в тумане!

– Хорошо, – сдалась, наконец, Варя, – только обещаю, что ляжешь в больницу, как лёд с реки сойдет!

Данилов кивнул в ответ, лицо его стало задумчиво серьёзным, он поднял глаза к потолку и тихо произнёс:

– Когда вскрыются реки!

– Дядя Вася пришел около трёх, – неторопливо завела Варя, – как всегда весёлый, шутил, смеялся, меня с двадцать третьим поздравил, с тобой за стол уселся и бутылочку рядом со строганиной поставил. Мама ещё на ферме была, а меня в тот день отпустили пораньше. Уж и не знаю, где дядя Вася эту поллитровку прикупил, но точно не в магазине. Скорее, у тётки Зухи – в пьяной ограде она этой палёной дрянью из-под полы торгует! Говорили вы громко, спорили, потом Маришка пришла, в кухне присела, хоть я и звала её к себе, чтоб девчонка ваших пьяных разговоров не слышала, а она всё возле отца! Сам же знаешь – папина доча! Потом слышу крик! Маришка кричит и ревет, как благая. Я на кухню! Гляжу, дядя Вася лежит на полу, кровь вокруг, а ты... на стуле – ни жив, ни мертв! Маришка ручонками за папу хватается, кровью испачкалась, оттого, видать, ей ещё страшнее стало. Плачет взахлёб, а дядя Вася гладит её, успокаивает. Я к нему, смотрю – кровь хлещет из артерии, перетягиваю, а сама ору: скорую вызывайте! Да кому кричу? Девчонка в полной истерике, ты глазами хлопаешь, а в них полная пустота! Уж как увезли его, в подробностях объяснить не стану. Маришку на силу успокоила да тебя в соседней комнате уложила, понять ничего не могу, что случилось, как произошло! Девочка одна всему свидетелем была, она и рассказала: поначалу сидели, про службу толковали, после очередной стопки заспорили, какие войска сильнее, а там и до борьбы дошло, приёмы показывать начали! Дядя Вася хвастал, что все приёмы знает, тут ты... – Варя взяла паузу, – из бочки со льдом выхватил

нож, тот, которым лёд колем, мол, ну-ка покажи, как ото-
бьёшь! Ты снизу ударил... Василий пропустил... Так ты ему
артерию и...

Варя не договорила и отвернулась.

– Мариша и следователю так рассказала, когда опергруппа
приехала!

– А Сахаяна? Что Сахаяна? – упавшим голосом спросил
Игнат. Варя помолчала какое-то время, но всё же ответила:

– Тётя Сахаяна, как узнала, на молоковозе в больницу тот-
час сорвалась, председатель отпустил. Дядя Вася, говорят,
ещё жив был, в себя приходил раз или два на несколько се-
кунд. Так и отошёл.

– Ты иди, Варенька, иди, мне теперь одному побыть надо,
– моляще проговорил Данилов и повернул голову к стене. – За
меня не беспокойся, ступай.

Варя хотела было возразить, но осеклась. Снисходительно
улыбнувшись, она поднялась и покинула комнату, оставив
Игната наедине со своими мыслями.

* * *

В конце мая с севера внезапно потянуло холодом, налетел порывистый ветер, и снег накрыл русло и берега реки. Игнат долго ждал дня, когда могучая, неукротимая Лена понесёт льды к северу, в холодное солёное море. Он заторопился, наспех собрал рюкзак, нырнул незаметно на задний двор, а оттуда – напрямик к протокам. Многочисленные протоки с островками, поросшими высоким тальником, были излюбленным местом перелётной птицы, но во время ледохода они превращались в смертельную западню, и даже издавшие виды охотники обходили их стороной.

Колкий снег хлестал в лицо и забивался за ворот. Игнат поднял воротник летной куртки и, невзирая на опасность, направился к реке по узкой полоске длинного изогнутого пешеходного прохода между протоками к небольшому острову.

Данилов присел на край пологого берега, достал из рюкзака фляжку, две стопки, наполнил до краёв и поднял.

– Ну, с новой водой тебя, брат Васка! Первый ледоход за сорок лет без тебя встречаю!

Игнат, щурясь, обратился к небу.

– Ты как там, брат? Ты, это, прости меня, брат, если сможешь! Я ведь не в тебя, Васка, а в себя тот нож воткнул, так что скоро встретимся! Какая мне без тебя охота?

Мужчина залпом осушил стопку, вторую плеснул в воду и, прислушиваясь к мелодии, которую наигрывал ветер на струнах тальника, впервые за долгие месяцы улыбнулся. Ему вспомнились часть в Уссурийске, куда их перекинули после учебки, придирчивый и наглый до беспредела старослужащий сержант Гусейнов – Гусь и ночь, когда им крепко перепало от подвыпивших дембелей из его компании. Как, утирая разбитый нос, Алексеев задумался, искоса глянул на Игната, и на лице его блеснула злобная ухмылка.

– Значит, говоришь, охота у вас на гуся знатная?

– Так и есть! – сплунув сгусток крови, подтвердил Игнат.

– Когда вскроются реки! – расплылся в улыбке Василий, кивая на две совковые лопаты, что стояли у входа в каптерку.

– Самое время для гуся! – повеселел Данилов и, сообразив, что задумал однополчанин, утвердительно кивнул в ответ. – Когда вскроются реки!

* * *

У входа в протоку река выстроила огромную плотину из ледяных глыб, она гудела под натиском стихии, крепилась, но вскоре сдалась, рухнула, и чёрная вода бурным пенящимся потоком хлынула в пойму. Сметая тальник, течение потащило льды. Гонимые ветром, они, будто корабли, устремились к изогнутому перешейку и, прорезав его, соединились с соседней протокой.

Ленск. Декабрь 2020 г.